

Вступление

Кто видел крепость Осовец в августе 1915 года, тот не мог не испытать смятения, смешанного с восхищением. Твердыня, возведенная в конце минувшего века в полусотне километров от города Белосток для защиты важнейших стратегических направлений, была изранена многомесячными штурмами немецкой армии и представляла собой, по сути, нагромождение дымящихся развалин. Однако руины не были бездыханными — жизнь в них не просто теплилась, она кипела и бурлила. Ее не смогли уничтожить ни массированные обстрелы из 305-миллиметровых осадных мортир «Шкода», ни авиационные бомбейки, ни облака ядовитых газов. Крепость, которая в феврале, после подхода германской тяжелой артиллерии, могла, согласно расчетам, продержаться не более сорока восьми часов, держалась полгода.

Но даже такой самоотверженной борьбе рано или поздно приходит конец. В одном из немногих уцелевших казематов, изъязвленном трещинами, сидел

за столом человек в кителе с погонами генерал-майора и набрасывал карандашом на листке бумаги план эвакуации гарнизона. Стол был сколочен из ящиков из-под орудийных снарядов, свет в безоконном пространстве давала маленькая коптилка, стены сотрясались от взрывов, но человек работал так четко, точно сидел где-нибудь в петроградской штабной комнате, обставленной со всем комфортом и бесконечно далекой от фронтовой полосы.

То был Николай Александрович Бржозовский — бывший начальник крепостной артиллерии, а с января комендант крепости. В этой должности он сменил Карла-Августа Шульмана, который хоть и удостоился Георгия за успехи первых месяцев войны, но все же был отстранен от комендантства и переброшен на другой участок военного театра.

Лязгнула окованная железом дверь, и в каземат ввалился человек в прожженной шинели — полковник Катаев, командир Землянского пехотного полка и начальник второго отдела обороны крепости. Его легкие, как и у многих здесь, были отравлены хлором, и он мял в руке грязный платок, то и дело сплевывая в него.

— Ваше превосходительство, — прохрипел он, — кто-то распространяет слухи, что Осовец будет нами в скором времени сдан. Двое провокаторов по моему приказу уже арестованы. Полагаю, расстрел должен быть публичным... ха!..

— Отпустите их, Константин Васильевич, — не приказал, а скорее попросил Бржозовский и потер пальцами красные от бессонницы веки.

— Что, простите?..

— Я говорю, дайте приказ, чтоб их отпустили. Не надо никого расстреливать. Они правы: крепость будет сдана в течение ближайшей недели.

Катаев опешил, даже кашлять перестал. Рука с платком опустилась долу.

— Как же так, ваше превосходительство? — проговорил он. — У нас есть еще потенциал, крепость может выстоять и месяц, и два... и год!

— Может, — согласился Бржозовский. — Только этого уже не требуется. Пришел приказ от высшего командования. После прорыва немцев в Галиции дальнейшая оборона Осовца теряет всякий смысл. Мы окажемся в мешке, из которого не выбраться, и зря положим тысячи солдат. Поэтому с сегодняшнего дня начинаем поэтапную эвакуацию людей и имущества. Надо постараться сделать все планомерно, без спешки и паники.

Катаев закашлялся, прижал платок ко рту. Бржозовскому показалось, что сделал он это не по причине накатившего приступа, а чтобы переварить только что полученную информацию. Она была неожиданной, требовала осмысления.

— Справимся ли за неделю? У нас две с половиной сотни орудий, в том числе почти семьдесят тяжелых. Еще картечницы, «максимы», ручные пулеметы... не считая складов, где хранятся боеприпасы, провизия и обмундирование. Как все это вывезти в сжатые сроки?

Ахнула «Толстушка Берта» — самая большая немецкая мортира. Снаряд с противным воем пронесся

над казематом, разорвался где-то невдалеке. С потолка посыпалась каменная пыль.

— Надо успеть, Константин Васильевич, — сказал генерал-майор. — Оружие вывозим в первую очередь. Ни одна винтовка не должна достаться врагу! Что касается складов, то, боюсь, их придется ликвидировать. Поручаю это вам. Переговорите сейчас же с полковником Масальским, отдайте необходимые распоряжения. Немцы должны получить крепость абсолютно пустую и разрушенную до основания.

— Слушаюсь, ваше превосходительство, — шевельнул словно бы заржавленными челюстями Катаев и вышел из каземата.

Десятью минутами позже он уже вышагивал меж редутов и люнетов в сопровождении командира саперной роты Масальского и заведующего хозяйственной частью подполковника Дитмара.

— Взорвать склады — дело нехитрое, — размышлял вслух Масальский. — Динамика у нас с лихвой. Дам приказ, мои ребята заложат мины, рванем — и шито-крыто.

— Надо ли взрывать *все* склады? — уточнил Дитмар. — В Новом форте они у нас размещаются глубоко под землей. Там вместительные подвалы, сводчатые перекрытия... Их и взрывать — морока, да и резона нет.

— Что вы предлагаете? — спросил Катаев.

Подполковник огляделся по сторонам — не подслушивает ли кто — и понизил голос, что в наполнявшей воздух канонаде было, пожалуй, излишней предосторожностью.

— Часть складов можно законсервировать. Закупорить до лучших времен.

— Закупорить? — Катаев выхаркнул в платок сгусток слизи. — Кха!.. Как вы себе это представляете?

Дитмар обратился к шедшему с ним бок о бок Масальскому:

— Можно ли устроить подрыв таким образом, чтобы завалило только вход, а основные помещения склада остались нетронутыми?

— Что ж тут сложного? — Масальский вынул из кармана плитку жевательного табака, повертел в руках, но откусывать не стал, положил обратно. — Это, как говорится, проще пареной репы. Рассчитаем залежь, наметим точку...

— Вот и прекрасно! — Дитмар повернулся к Катаеву. — Господин полковник, я как заведующий хозяйством против бездумной порчи вверенного мне имущества. Столько казенных денег затрачено! Лучше его сберечь. Создадим задел на будущее, вернемся потом на все готовое...

— Сбережется ли? — усомнился Катаев. — Кто знает, когда вернемся... кха!.. Возможно, не год и не два пройдет.

— Да хоть бы и десять. Точное местонахождение складов посторонним неведомо. Немцы до них не доберутся. Карты уничтожим, а память у меня фотографическая, после войны укажу, где что было, раскопаем, извлечем...

— В подвалах сырьо, — возразил Катаев. — Я сам видел: у вас там вода по стенкам сочится.

— На складах превосходная вентиляционная система, она обеспечивает циркуляцию воздуха. К тому же коробки с патронами запаяны герметично, а из продуктов в основном мясные и молочные консервы в жестяных банках. Что с ними станется?

— А и верно, — поддержал Дитмар Масальский. — Чего зазря хорошие вещи переводить? Законопатим склады так, что ни одна банка не повредится. Как думаете, Константин Васильевич?

Катаев, сотрясаясь от кашля, кивнул, а еще через полчаса трое минеров уже волокли к подземным складам динамит и мотки электрических проводов.

— С этого, что ль, начнем? — Пожилой унтер, заметно хромавший из-за ранения в левую ногу, кивнул на черный зев ближайшего подвала.

— Велено по этой стороне все пять заткнуть, — откликнулся его напарник с цигаркой во рту. — Разгружайся!

Они сбросили свою ношу на землю. Издалека, со стороны центрального убежища, донеслись звуки труб — это оркестр крепостной артиллерии по обыкновению заиграл марш лейб-гвардии Преображенского полка, как делалось по приказу коменданта каждый день в половине восьмого вечера. Бравурная мелодия, как рассуждал генерал-майор Бржозовский, поднимала дух защитников и лишил раз доказывала противнику, что попытки взять фортецию обречены на неудачу. Но сегодня в этих звуках впервые с начала осады Осовца не слышалось уверенности.

— Эх, просчитались господа командиры! — крякнул с досадой унтер. — Не надобно крепость сдавать... Мы б еще немцу наподдали!

— Начальству виднее, — не согласился с ним третий минер, самый старый из всех, с седой окладистой бородой. — Неизвестно еще, кто кому наподдаст! Выйдет, как с японцами в пятом году...

Из подвала, возле которого остановились минеры, вынырнул невысокий мужичок в потрепанной шинелишке с ржавыми пятнами крови на рукавах. Увидев минеров, он принял суровый вид.

— Взрывать?

— Так точно, вашбродь! — по-уставному ответил унтер, бывший в группе за старшего. И осмелился прибавить, разглядывая незнакомца: — А вы кто? Чего-то я вас в крепости не видал...

— Поручик интендантской роты Коротаев, — буркнул тот с неохотой. — Прислан на прошлой неделе... — Он оборвал себя, решив, что не обязан отчитываться перед нижними чинами, и строго прикрикнул: — Чего застыли? Закладывайте мину. Склад я опечатал, часового отослал, можно взрывать.

И поспешно удалился в сторону казарм.

Минеры переглянулись.

— Чудик какой-то, — промолвил седой, пожевав клок бороды, торчавший под нижней губой. — Грит, на прошлой неделе, а к нам ить уже почитай с середины лета никого не присылали. У меня брат Митрошка в штабе служит, я доподлинно знаю.

Минер помоложе выпустил изо рта вконец измочаленную цигарку.

— Не доложить ли командиру? Мало ли, какого шпиёна нелегкая в крепость занесла?

Едва он произнес эти слова, как за валом ухнуло, и все трое увидели вывороченное с корнем дерево, взлетевшее над берегом реки. Обеспокоенный унтер заторопил товарищей:

— Недосуг с докладами бегать. Все одно крепость немцам отойдет, какая теперь разница, шпиён или не шпиён... Копаем!

Они взялись за лопаты и вырыли у входа в подземный бункер неглубокую яму, в которую заложили фугас. Протянули от него длинный провод, подсоединили к подрывной машинке. Залегли в разбитой бомбами конюшне. Унтер крутанул ручку машинки, и землю потряс взрыв, запечатавший вход в складские отсеки. На этот взрыв мало кто в крепости обратил внимание — и без него вокруг все гремело и качалось от непрекращающихся обстрелов.

Минеры выбрались из укрытия, удостоверились, что работа проделана на совесть, и направились к следующему складу.

Черная, как обугленная головешка, крепость Осовоц тлела и должна была вот-вот дрогореть.

Глава I,
где герой в буквальном смысле
является из тьмы на свет

Шел пятый год существования Польской Республики, или Второй Речи Посполитой, как именовали ее отдельные особо проникшиеся национальной идеей патриоты. Наскоро собранная из осколков Германской империи, Украины и Литвы, она занимала в Европе довольно обширную территорию, однако не могла похвастаться ни политической стабильностью, ни экономической мощью. Первый польский президент Нарутович был застрелен террористом через неделю после своего избрания. Его преемник Станислав Войцеховский, три года проработавший в должности министра внутренних дел, огнем и мечом подавлял частые выступления недовольных, вспыхивавшие в различных уголках страны. И ломал голову над тем, как быстрее поднять народное благосостояние, чтобы недовольных не было в принципе.

Польша, едва выбравшаяся из войн, которые шли в ее пределах непрерывно на протяжении семи лет,

пребывала в упадке. Большинство промышленных предприятий лежало в руинах, повсюду ощущался острый дефицит съестных припасов, одежды и наиболее первейших предметов быта. Безработица и гиперинфляция дополняли безрадостную картину.

О том, как выкарабкаться из пропасти, усиленно размышлял не только президент Войцеховский, но и его ближайшие сподвижники, в частности министр казны Владислав Грабский. Он с горькой иронией говорил, что является министром непонятно чего, поскольку государственная казна была пуста, как бутылка, из которой выпили всю збуровку. Ежедневно в кабинет к Грабскому приходили разнообразные посетители. Сыпались звонки и депеши от всевозможных ведомств, содержащие одну-единственную просьбу: дайте денег. Причем просили не на баловство, приводили аргументы, свидетельствовавшие о том, что если денег не дать, то произойдет катастрофа. Грабский все понимал, всем сочувствовал, но, к великому сожалению, не владел искусством магии и не умел делать золотые по мановению волшебной палочки.

К этому-то министру Грабскому в один из летних дней, когда жара накалила Варшаву так сильно, что не спасали даже распахнутые настежь окна, явился очередной посетитель.

Вернее, не так. Сначала явился секретарь и доложил, что министра очень хочет видеть некий господин, прибывший из Праги.

— Из Праги? — переспросил Грабский. — Он чех?

— Нет, — отвечал секретарь. — Он говорит по-русски, а фамилия у него немецкая. По документам — бывший офицер Российской императорской армии.

Грабский поморщился. С тех пор как в 1918 году Польша обрела независимость, он не любил встреч с бывшими соотечественниками из России. Да и что ему понадобилось, этому русскому с немецкой фамилией?

— Он говорит, что у него имеются сведения, которые покажутся пану министру весьма полезными, — пояснил секретарь.

— Пусть передаст их кому-нибудь из моих помощников. Я занят.

Это было чистой правдой — Грабский с утра просматривал отчеты о поступлениях в госбюджет, и они с каждой страницей повергали его в состояние, близкое к отчаянию.

— Он не желает разговаривать с помощниками. Сказал, что изложит свою информацию лично пану министру, — упорствовал секретарь.

Грабский засомневался.

— А он не псих? Не пристрелит меня, как Нарутовича?

— Он производит впечатление человека неглупого и уравновешенного. При входе его обыскали на предмет оружия, так что пану министру нечего опасаться. — Тут секретарь сделал паузу и присовокупил доверительно: — По моему скромному мнению, его следует принять.

Ох уж эта демократия! Всякая инфузория нынче высказывает свое мнение, а ты обязан прислушиваться, дабы не прослыть реакционером...